

Тем временем в комнате сына госпожи Хуан.

— Сынок, ты что, придумал хороший план?

Подросток перед госпожой Хуан был её любимым сыном, которого она берегла как зеницу ока,
— Се Минлан.

На нём была белая атласная длинная одежда. Белый халат делал его крепкое, грузное тело ещё массивнее. В руке он без конца покачивал веером, что в начале осени выглядело несколько неуместно, но сам он этого совершенно не замечал.

Се Минлан взял складной веер, слегка постучал им по столу, затем со щелчком раскрыл и снова сложил.

— Матушка, отец только умер. Если ты сразу выгонишь детей его первой жены, это действительно будет выглядеть нехорошо.

Учился двенадцатилетний мальчишка так себе, зато манеру говорить уже почти идеально скопировал с Се Чжи.

Госпожа Хуан тут же всполошилась:

— Если я его не выгоню, на какие деньги тебе нанимать знаменитого наставника? Сколько серебра уйдёт на этого вечного больного? Твой отец умер — теперь из управы нам больше не дадут ни серебра, ни зерна!

— Мне что, тратить своё приданое, чтобы покупать еду этому щенку? К тому же хорошие поля в доме оставил тебе твой отец. Неужели тебе не жалко отдать этому щенку часть оставшихся двадцати му земли?

Се Цзяожуй, сидевшая рядом, услышав про плодородные поля и серебро, сразу возмутилась и закричала:

— Матушка, скорее выгони его! Почему наши деньги должны тратить на него? Все деньги мои! Я хочу покупать одежду и есть мясо!

Се Минлан взглянул на Се Цзяожуй и едва сумел скрыть отвращение во взгляде.

Толстая, уродливая — и ещё хочет новую одежду и мясо!

Он покосился на неё, лениво качнул веером и сказал:

— Матушка, боюсь, выгнать его будет не так просто.

Госпожа Хуан занервничала:

— Что ты имеешь в виду?

— Разве он бросит своих сестёр?

Госпожа Хуан задумалась и признала, что сын прав. Сколько раз она уже мучила его через этих трёх дрянных девчонок, а он всё терпел.

Теперь, пожалуй...

— Тогда выгоним всех вместе. Нельзя позволить этому болезненному доходяге мешать тебе стать чжуаньюанем.

Се Минлан нарочито смущённо сказал:

— Матушка, выгнать их, конечно, можно. Только вот домашняя работа...

Он с притворной неловкостью посмотрел на госпожу Хуан.

— Может, тогда я сам буду делать всё по дому? Я...

Он не успел договорить, как госпожа Хуан перебила:

— Сынок, ты же будущий чжуаньюань! Такая грубая работа — для простолюдинов. Твои руки созданы для того, чтобы писать сочинения. Как можно заставлять тебя заниматься этим?

Госпожа Хуан закатила глаза. Если выгнать всех, кто будет работать?

Покупать слуг ей было жалко. Сейчас у неё есть три девочки, которых уже приучили слушаться, да ещё и дети той лисицы. Неужели не приятно заставлять работать именно их? Она улыбнулась:

— Тогда я проявлю милосердие. Буду давать им по кусочку еды, чтобы не подохли.

Поняв, что добился своего, Се Минлан тоже улыбнулся:

— Матушка добрее всех. Кто во всей округе этого не знает?

Госпожа Хуан от похвалы расцвела и украдкой достала спрятанные мясные булочки.

— Держите. Сегодня в городке купила. Съедем тайком в комнате, чтобы никто не увидел.

Се Цзяожуй закатила глаза и возмущённо спросила:

— А почему нельзя, чтобы видели? Мы тратим свои деньги! Какое другим до нас дело?

Госпожа Хуан посмотрела на неё как на дурочку.

— Ты совсем глупая? Твой отец только умер, а мы уже мясо едим. Если люди узнают, разве нас не заругают насмерть?

— Вы с братом двойняшки, а почему разница такая огромная? Раз уж своей головы нет, учись у брата!

От этого Се Цзяожуй моментально вспыхнула. Родились они в один день, а мать всё равно во всём предпочитает Се Минлана.

Она сердито фыркнула:

— Подумаешь, знает несколько иероглифов! Только передо мной и умеет важничать!

— Хватит. Как бы там ни было, твой брат всё равно лучше тебя, которая целыми днями только ест. Ни шить не умеешь, ни готовить. Что с тобой потом делать?

— А ты сама разве умеешь? Ты просто его любишь больше! Подумаешь, сын у тебя родился!

Се Цзяожуй яростно вцепилась зубами в булочку, будто та была её заклятым врагом.

Услышав это, госпожа Хуан помрачнела и вспомнила о своей родне в городке.

С её губ невольно сорвалось:

— Иметь сына — ещё как важно!

Следующие два дня госпожа Хуан больше не заговаривала о том, чтобы кого-то выгнать, и три

сестры немного успокоились.

Едва снаружи прокричал первый петух, все трое уже поднялись работать.

Се Цюши привычными движениями мыла овощи, промывала рис, разводила огонь и готовила завтрак.

На кухне Се Сячань тихо спросила старшую сестру:

— Брат только очнулся. Ему нельзя всё время пить одну жидкую воду. Может, тайком приготовим ему что-нибудь поесть?

Все эти дни они скрывали от госпожи Хуан, что старший брат уже пришёл в себя, а сами понемногу откладывали ему еду из собственных скудных порций.

Се Цюши ничего не ответила. Она подошла к двери, выглянула наружу, затем направилась к небольшому отверстию у стены и достала спрятанную там маленькую чашку муки. Почти беззвучно сказала:

— Я раньше припрятала. Сегодня используем всё и сварим брату немного мучной кашицы. Только не выдайте себя.

— Хорошо, сестра. — Се Чуньяо посмотрела на миску сероватой муки, потербила пальцы и тихо пробормотала: — Вот бы мама всё ещё была жива...

Взгляд Се Цюши потускнел. Она вспомнила, как перед смертью мать держала её за руку и просила заботиться о старшем брате и младших сёстрах.

Кто мог знать, что потом родной отец перестанет заниматься семьёй, а мачеха окажется такой жестокой?

Две младшие сестры и слабый здоровьем старший брат — Се Цюши боялась даже думать о будущем и могла лишь стараться пережить сегодняшний день.

— Всё, быстрее занимайтесь своими делами. Смотрите, не выдайте ничего!

— Не волнуйся, старшая сестра!

Вторая сестра, Се Сячань, поспешила подмести двор и комнаты.

Младшая, Се Чуньяо, отправилась чистить курятник и поливать овощи.

К тому времени как трое закончили работу и вытерли лица, госпожа Хуан с детьми только-только поднялись.

Зевая, госпожа Хуан вошла в главную комнату. Увидев выставленную на стол еду, она тут же разозлилась:

— Ах вы, дохлые девки, нарочно это делаете? Всё уже остыло, а вы ещё не несёте разогревать! Отныне готовьте позже, нечего зря жечь дрова!

— Матушка, опять что случилось? С самого утра кричишь — у меня уши болят! — сонно потирая глаза, пожаловалась Се Цзяожуй.

— Да всё эти дохлые девки! Ничего нормально сделать не могут, только дрова тратят назло мне!

Се Минлан снова был одет во вчерашний белый атласный халат. Поправляя манжет, он заметил:

— Матушка, к чему так злиться? Закончатся дрова — можно ещё насобирать. Сейчас не так уж холодно, да и старшему брату пора бы уже выходить на прогулку.

— Верно! Болезненному доходяге тоже надо двигаться. Если он даже дрова собрать не способен, тогда на что вообще годится?

Се Цзяожуй довольно улыбнулась и повернулась к трём сёстрам:

— Разве не так?

У Се Сячань от злости покраснели глаза, Се Чуньмяо сжала кулаки. Взгляд Се Цюши потемнел. Она мягко похлопала сестёр по рукам, давая понять, что нельзя горячиться.

Се Цзяожуй с удовольствием смотрела, как трое кипят от гнева, но ничего не могут сказать, и начала ещё чаще тянуться палочками к мясу. Госпоже Хуан было больно на это смотреть.

Она поспешно схватила палочки и положила несколько больших кусков мяса Се Минлану.

Се Цзяожуй увидела, как мясо переключалось в миску брата, и недовольно надулась:

— Матушка, ну почему ты такая несправедливая? Мне несколько кусочков мяса жалко, а ему нет!

— Девушке столько есть не стоит. Слишком растолстеешь — семья мужа потом будет воротить нос.

— Матушка, ты... Се Минлан уже толстый как свинья, почему ему ты ничего не говоришь?!

Се Цзяожуй больше всего ненавидела, когда кто-то говорил, что она толстая, а мать раз за разом была именно по больному месту.

Госпожа Хуан хлопнула ладонью по столу:

— Как ты разговариваешь?!

А госпожа Хуан, в свою очередь, больше всего злилась, когда кто-нибудь называл толстым её драгоценного сына. Что плохого в полноте? Это же признак достатка! Неужели лучше быть похожим на того болезненного дохляка?

Се Цзяожуй посмотрела на трёх худеньких сестёр, сжавшихся в углу, и разозлилась ещё сильнее. Она ткнула в них пальцем:

— И что хорошего быть такими жёлтыми, тощими и сморщенными? На лицах одна бедность! Вот я — человек с благословенной судьбой! Матушка, когда ты выходила за отца, разве сама не была крепкой?

— Ах ты дохлая девчонка! Я тебе одно слово — ты мне десять! Я всего лишь положила брату несколько кусков мяса!

— Сестра, семья не может содержать двух бездельников, поэтому тебе придётся есть поменьше, — не поднимая глаз, произнёс Се Минлан.

— Что ты хочешь сказать? Ты собираешься отдать мою еду этому больному? Мне всё равно! Никто не посмеет забрать мою еду! Матушка, немедленно выгони их всех!

Се Цзяожуй посмотрела на Се Минлана, который как ни в чём не бывало продолжал есть, и на госпожу Хуан, всё ещё заботливо подкладывавшую сыну мясо и овощи. Она сердито фыркнула, бросила палочки и выбежала из комнаты.

Се Минлан поднял глаза ей вслед и тихо бросил:

— Дура.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/26901/3277639>